

МАКРОРЕГИОН СИБИРЬ

УДК 911(470+571)+314(470+571)

DOI: 10.17223/19988648/52/6

Н.В. Горошко, С.В. Пацала

К ВОПРОСУ О «СЕВЕРНОЙ» СТРАТЕГИИ РОССИИ: ОСВОЕНИЕ ИЛИ ЗАСЕЛЕНИЕ

В статье систематизированы основные подходы к освоению районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, выявлены тенденции демографического развития российского Севера на современном этапе. Обосновывается необходимость освоения данного макрорегиона с учетом диспропорции между размерами пространства страны и величиной ее населения. В России остро назрела необходимость ухода от затратного «экстенсивного» освоительского типа. На Севере страны необходимо ориентироваться на точечное развитие отдельных относительно крупных городских поселений, портов, которые смогли бы играть роль «полюсов роста», и инфраструктурных коридоров, позволяющих удерживать эти малозаселенные пространства.

Ключевые слова: Крайний Север, Арктика, пространственное развитие, естественное движение населения, миграции, освоение Севера, заселение Севера, сжатие освоенного пространства, проблемы развития Севера.

Вступление (вводная часть). Россия – самая «северная» страна в мире. Это утверждение справедливо даже не столько в силу ее физической географии (крайняя северная точка канадской суши, например, подвинута к северному полюсу ближе, чем российская, а в пределах планетарной зоны Севера располагается более 75% территории Канады), сколько экономической. Ни в одном из государств мира холодные пространства не были настолько освоены и заселены, как в России. Порядка 12 млн км² российских пространств имеют официальный статус районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей (рис. 1), составляя 70% территории страны. Только в тех субъектах, что полностью отнесены к данному макрорегиону, сегодня производится около 14% ВРП Российской Федерации (2017 г.). На территории субъектов РФ, полностью или частично отнесенных к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям (27 субъектов РФ), проживает 9,9 млн человек. Показатель не идет ни в какое сравнение с заселенностью других «северных» стран. На канадском Севере проживает чуть более 150 тыс. постоянного населения. При доле России в площади планетарной зоны Севера в 54% ее удельный вес в численности населения составляет 80%. Меры экономического стимулирования миграции трудовых ресурсов в районы Крайнего Севера в нашей стране стали использовать еще с 1920-х гг., наряду с принудительными. С 1950-х гг. экономические инструменты привлечения населения в высокие широты становятся основными. Потребность в квалифицированных кадрах была вызвана

ускоренной индустриализацией восточных и северных районов страны, которую не могло удовлетворить малочисленное и низкоквалифицированное местное население. Смягчить проблемы кадрового голода в районах Крайнего Севера были призваны высокие зарплаты и созданная в 1960-х гг. система «северных» льгот и надбавок, которая, хоть и в измененном виде, сохраняется до сегодняшнего дня (рис. 1).

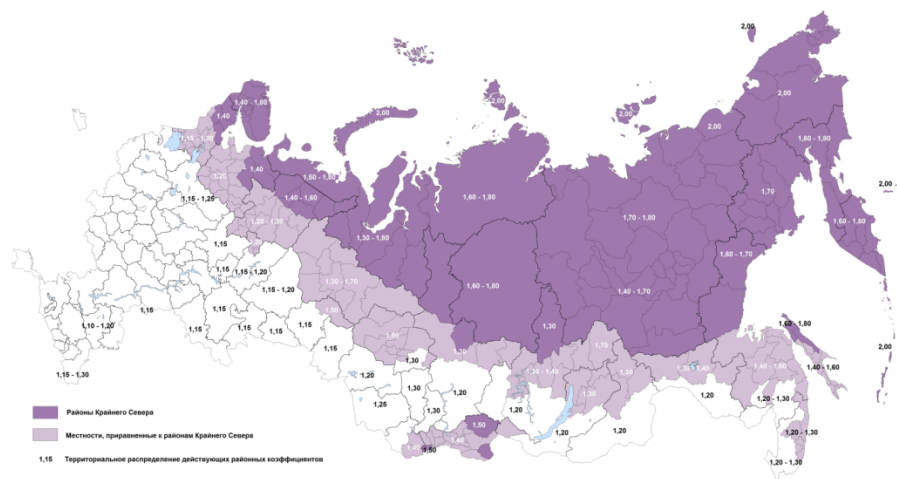


Рис. 1. Районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности
(на 1 января 2019 г.). Составлено авторами по [1, 2]

В условиях социально-экономического кризиса, поразившего страну после распада СССР, факторы трудовой миграции на Север утратили свою привлекательность, как и система льгот, которые в новых условиях фактически перестали играть свою основную функцию, превратившись лишь в инструмент «компенсации» сложных трудовых и бытовых условий Крайнего Севера.

В результате численность населения северных регионов страны начала сокращаться как по причине активной миграции населения, так и из-за осложнившейся демографической ситуации.

Эти процессы определили активизацию дискуссии о путях дальнейшего развития Севера нашей страны. И если важность и необходимость его дальнейшего хозяйственного освоения мало кем оспариваются, то ответ на главный вопрос – должно ли освоение Севера сопровождаться его заселением – продолжает оставаться предметом дискуссии.

Основная цель работы – обоснование необходимости освоения Северного макрорегиона России с учетом диспропорции между размерами пространства страны и величиной ее населения. Для чего необходимо: систематизировать основные подходы к освоению отечественной зоны Севера, выявить тенденции демографического развития этих территорий на современном этапе, изучить опыт освоения северных территорий в ряде государств арктической зоны.

Материалы и методы исследования. В исследовании были применены методы научного познания: анализ статистических данных представленных на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и теоретических источников, анализ нормативных правовых актов, причинно-следственный анализ, структурно-функциональный анализ.

Основная часть. Для начала попробуем разобраться в характере процессов естественного и механического движения населения в российской зоне Севера. Зачастую в масс-медиа встречаются исключительно алармистские трактовки разворачивающихся здесь демографических процессов, рисуется апокалиптическая картина обезлюдивших гигантских северных просторов России. Но все же реальность выглядит несколько иначе.

Численность населения макрорегиона сокращается, хотя в последние годы не столь внушительными темпами, как в первом десятилетии XXI в. (рис. 2).



Рис. 2. Динамика численности и естественного движения населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей [1]

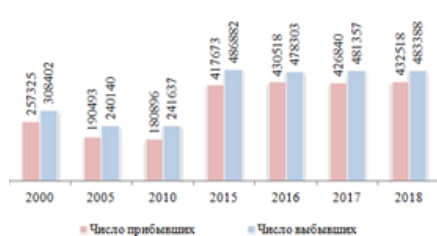
За последние двадцать лет численность населения макрорегиона снизилась на 1 млн 79 тыс человек, составив в 2019 г. 90% от числа жителей в 2001 г. В конце 2000-х гг. по инерционному сценарию предполагалось, что на Севере к 2050 г. останется проживать 4–5 млн человек [3]. Теперь уже очевидно, что это не так, и население макрорегиона сокращается значительно более низкими темпами при их постепенном снижении. Сокращение населения – результат как естественной убыли из-за снижения рождаемости (рис. 2), так и миграционного оттока (рис. 3).

Несмотря на то, что во втором десятилетии XXI в. количество прибывших мигрантов выросло, по причине возросшей емкости рынка труда в ряде северных регионов, реализующих масштабные проекты освоения природных ресурсов, сравнительно высокой заработной платы, «северных» пенсий и других льгот, но оно не смогло компенсировать количество выбывших мигрантов из северных регионов [4].

Однако общие результаты миграционного обмена в районах Крайнего Севера последние двадцать лет сохраняют стабильность. Несмотря на то, что в последние годы число выбывшего за пределы макрорегиона населения увеличилось почти в 2 раза, сопоставимо выросло и число прибывших.

В конечном итоге миграционный прирост хотя и остается отрицательным, но его абсолютная величина с 2000 г., несмотря на отдельные флуктуации, в целом сохраняется на уровне 50 тыс. человек в год.

Динамика прибытия и убытия (человек), 2000-2018 годы



Динамика миграционного прироста (+/-) (человек), 2000-2018 годы

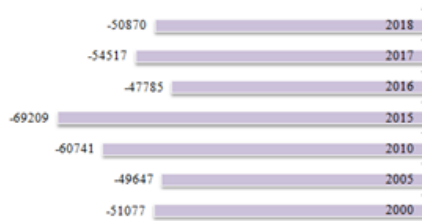


Рис. 3. Миграция населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей [1]

Из 23 субъектов РФ, полностью или частично относящихся к зоне Севера, лишь Чукотский автономный округ отличается миграционным приростом (237 человек на 2018 г.). Остальные регионы характеризует миграционная убыль. Только в Республике Коми она составила -9 276 человек, т.е. более 18% от общего показателя, в Архангельской области -7 093 (14%), в Тюменской области -5 206 (более 10%) (рис. 4).

Миграционный прирост (+) / убыль (-) населения
Крайнего Севера и приравненной к нему местности: - 50 870

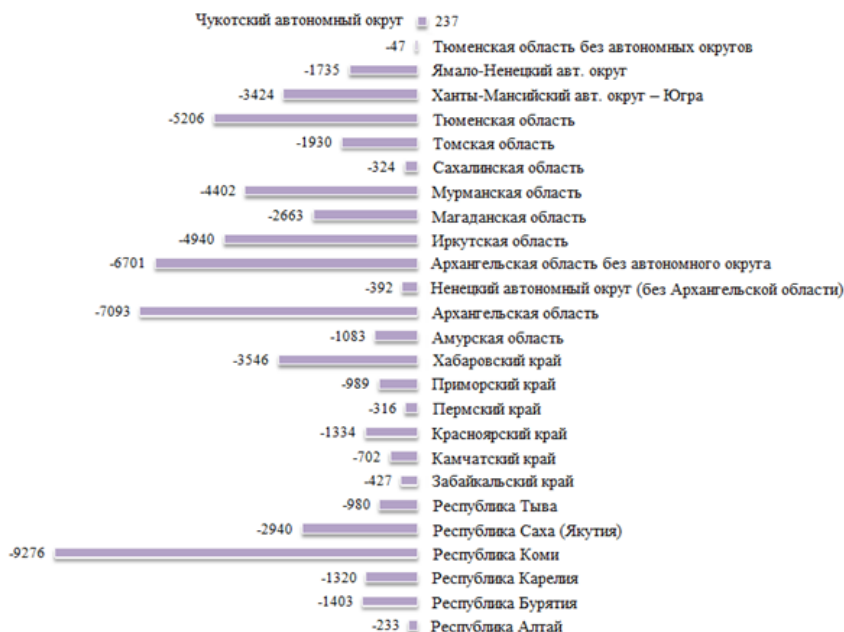


Рис. 4. Миграционный прирост / убыль населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей (человек), 2018 г. [1]

Если абсолютные показатели миграции отражают ее масштабы, то относительные характеризуют интенсивность механического движения населения, позволяя проводить сравнение миграционной подвижности жителей разных районов. Одним из таких показателей является коэффициент миграционного прироста. В 2018 г. на Крайнем Севере коэффициент миграционной подвижности составлял –5,1 на 1 000 человек населения. Положительным он был только в Чукотском автономном округе: 4,8. В миграционной подвижности наибольшая убыль представлена в Забайкальском крае, Магаданской области и Республике Бурятия: –20, –19, –15 на 1 000 человек населения соответственно (рис. 5).

*Коэффициент миграционного прироста (+) / убыли (-) на 1000 человек населения
Крайнего Севера и приравненной к нему местности: -5,1*



Рис. 5. Коэффициент миграционного прироста / убыли на 1 000 человек населения в районах Крайнего Севера и приравненных к нему местностях (человек), 2018 г. [1]

Значительная часть миграционной убыли северных территорий формируется за счет старших трудоспособных возрастов, в которых жители Севера по факту являются пенсионерами – «молодыми» пенсионерами в формально трудоспособном возрасте, так как северяне могут выйти на пенсию как минимум на 5 лет раньше основного населения [5]. При этом большинство выбывающих пенсионеров не являются уроженцами Севера

и планировали возвратную миграцию изначально. Кроме того, для Севера характерна образовательная миграция населения в возрасте 17–19 лет из-за слабо развитой социальной инфраструктуры, недостатков учебных заведений профессионального образования [6]. Общие итоги динамики населения за постсоветский период в субъектах Российской Федерации отражены на рис. 6.

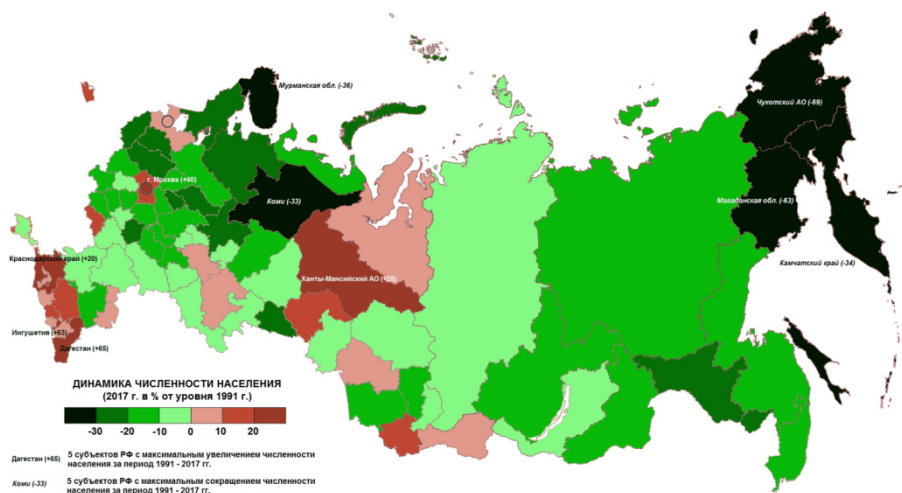


Рис. 6. Динамика численности населения субъектов РФ за период 1991–2017 гг.
Рассчитано и составлено авторами по [7]

Из регионов, чья территория полностью отнесена к зоне Севера, численность своего населения удалось сохранить и увеличить лишь автономным округам Тюменской области и Республике Тыва.

В сложившихся условиях миграционная убыль населения Севера, вероятно, сохранится и в будущем. Однако ее масштабы не критичны (–10% за двадцать лет), а темпы снижаются. Скорее наоборот, та же статистика позволяет задаться вопросом: сколько людей необходимо для развития российского Севера? Сегодня более чем в половине субъектов РФ, территория которых полностью отнесена к зоне Севера, сохраняются уровни безработицы населения выше среднероссийского значения (рис. 7). Своего максимума уровень безработицы достигает в Ненецком автономном округе (7,9%), Карелии (7,4%), Якутии (6,9%) и Коми (6,8%).

Развитие российского Севера постоянно сопровождает дилемма: заселять эти земли или осваивать? Фактически до 70-х гг. XX в. основной моделью освоения ресурсов Севера было одновременное его широкомасштабное заселение. Уже в 1970–1980 гг. акцент смещается в пользу вахтового освоения, без заселения территории, но с формированием сети базовых городов и вахтовых поселков. В итоге к концу XX в. Россия получила огромную труднодоступную территорию с множеством дисперсно разбросанных населенных пунктов, а наш Север оказался самым населенным на планете.

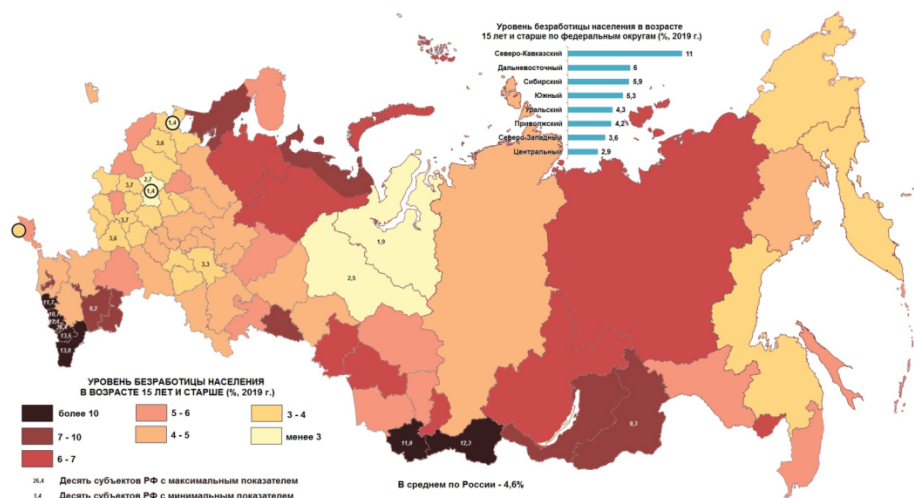


Рис. 7. Уровень безработицы населения в субъектах РФ (%), 2019 г.).
Составлено авторами по [8]

Но нужно ли российскому Северу 10 млн человек, проживающих там сегодня? Обратимся к опыту других стран, в первую очередь Канады. При том, что в физико-географическом смысле российский и канадский Север очень похожи, последний гораздо более безлюден, страна применяет вахтовый метод освоения [3, 9].

Возможности заселения российского Севера ограничивает сама география нашей страны, у которой слишком много пространства, но так мало людских ресурсов для его заселения. Известный отечественный экономико-географ Ю.Н. Гладкий достаточно категорично высказывался о необходимости заселения российского Севера: «Реальная сила нашей страны — это ее территория, которую ни в коем случае не следует обживать ЦЕЛИКОМ!» [10. С. 367].

Необходимо формирование в зоне Севера рациональной системы расселения трудовых ресурсов. Сложившаяся здесь система нуждается в реформировании. Следует отказаться от политики создания «городов при рудниках». У возникших в местах добычи природных ресурсов населенных пунктов всегда высок риск стагнации в условиях их истощения или изменения рыночной конъюнктуры. Устойчивые перспективы развития в пределах территории зоны Севера имеют лишь поселения, появившиеся благодаря коренным жителям и старожилам. Они привязаны к естественным транспортным путям и имеют доступ к возобновляемым ресурсам, что обеспечивает долгосрочные перспективы развития таких населенных пунктов [9].

В условиях свободного рынка юго-западный сдвиг населения нашей страны неизбежен, это оправдано гораздо меньшими издержками ведения хозяйственной жизни в более мягком климате, продуктивностью приуса-

дебных хозяйств. Не следует забывать и тот факт, что регионы Центральной России значительно истощены как в результате развития собственных депопуляционных процессов, так и сдвига населения на Север и Восток в советскую эпоху. Уже в 1990-х гг. отечественные географы выдвинули концепцию сжатия освоенного пространства как альтернативу безоглядного освоения труднодоступных районов страны [11, 12].

Еще в конце 1960-х гг. один из классиков отечественной экономической географии А.А. Минц считал сдвиг на Восток наиболее негативным сценарием пространственного развития страны, а усиленное развитие европейской части – наиболее предпочтительным [3]. Действительно, верх расточительства продолжать «распылять» население по всей огромной территории России, при том что даже староосвоенные районы страны сложно назвать благоустроенными. К тому же европейской части вдали от крупных городов пространство пустует. По оценкам А.И. Трейвиша, «в России недонаселены более 3 млн км² не худших земель и притом заселены 1,7 млн км², не лучших для проживания» [3. С. 163].

Общий тренд сдвига населения по осям «Север – Юг» и «Восток – Запад» уже состоялся. И заставить людей повернуть вспять, вероятно, не получится. Уже сегодня население Севера имеет ряд существенных гарантий и компенсаций. К важнейшим можно отнести районные коэффициенты и процентные надбавки к заработной плате, связанные с суровыми условиями климата и определяемые большими затратами денежных и биологических ресурсов (рис. 1, 8).



Рис. 8. Действующие льготы для работников районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей [13]

Подобные гарантии и компенсации регулируются отдельной главой Трудового кодекса (гл. 50 ТК РФ) [14] и рядом других нормативно-правовых актов [15–18]. Кроме того, население может воспользоваться услугами ряда уникальных государственных программ, направленных на закрепление и привлечение людских ресурсов в районы нового освоения (например, «дальневосточный гектар», «дальневосточная ипотека», готовится программа «арктический гектар»). Однако они так и не смогли остановить «дрейф» населения из этих районов, а программа «дальневосточный гектар» фактически провалилась (бесплатная земля от государства оказалась интересной для менее чем 1% населения округа).

Высокие зарплаты могут привлечь на Север людей для работы, но и они не заставят их остаться здесь навсегда. Для закрепления населения нужно кардинально изменить состояние социально-экономической среды, повысить качество жизни, обеспечив населению полноценный доступ к услугам здравоохранения, образования, досуга и развлечений, социальной защиты и т.п. Для решения этой задачи в условиях разреженного северного расселения не хватит никаких средств и возможностей, а населенные пункты, рожденные месторождениями ресурсов, всегда рискуют превратиться в моногорода со всеми вытекающими из этого негативными социально-экономическими последствиями.

Как отмечает В.И. Хаснулин, создание постоянного населения в Заполярье не всегда является оптимальным вариантом обеспечения этих территорий трудовыми ресурсами, поскольку за свою адаптацию оно вынуждено платить ухудшением собственного здоровья и снижением продолжительности жизни [19]. Безусловно, здоровье населения, призванного осваивать районы Крайнего Севера, подвергается повышенному риску. Условия жизни здесь сопровождаются такими экстремальными внешними факторами среды, как избыток радиации и холода, недостаток солнечного света и кислорода, продолжительная зима и короткое лето.

Среди реакций человека на условия жизни в Арктике можно выделить нарушения сна и обмена веществ, гиповитаминозы и десинхронозы, гипоксию и гипогликемию, иммунодефицит и снижение работоспособности, гипертензию и гипотермию, климатическое напряжение организма и синдром полярного напряжения, сокращение репродуктивного периода и хронизация острых заболеваний. В конечном итоге все это приводит к раннему старению и повышенной общей заболеваемости, провоцирует повышенную смертность и сокращение продолжительности жизни [20].

Уровень заболеваемости в регионах, расположенных в зоне Севера, в целом почти на четверть (22%) превышает среднероссийский показатель, а такие «северные» субъекты, как Ненецкий, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа, республики Карелия и Коми, образуют топ-5 регионов страны по уровню заболеваемости населения (рис. 9). Среди всех субъектов РФ, чья территория полностью отнесена к зоне Севера, ожидаемую продолжительность жизни при рождении выше среднероссийской имеют лишь Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа (рис. 10).

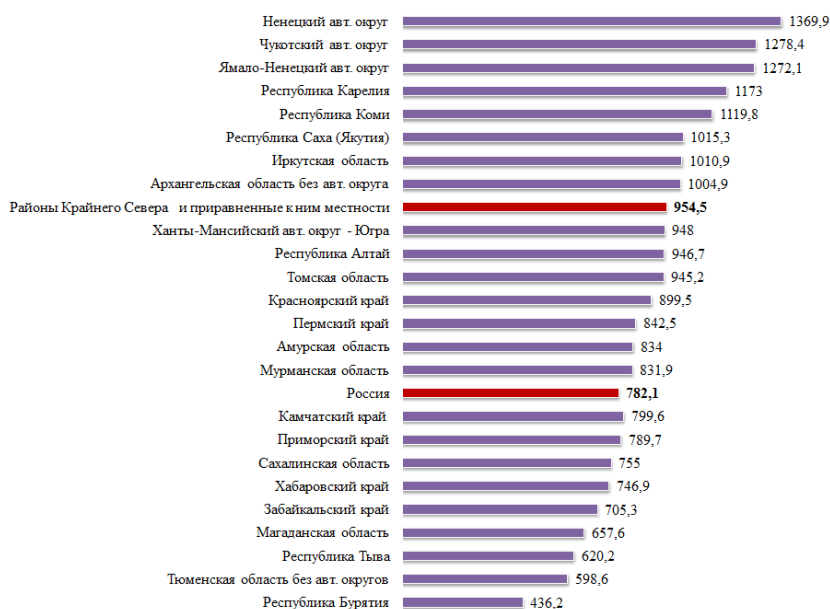


Рис. 9. Заболеваемость на 1 000 человек населения в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, 2018 г. [1, 7]

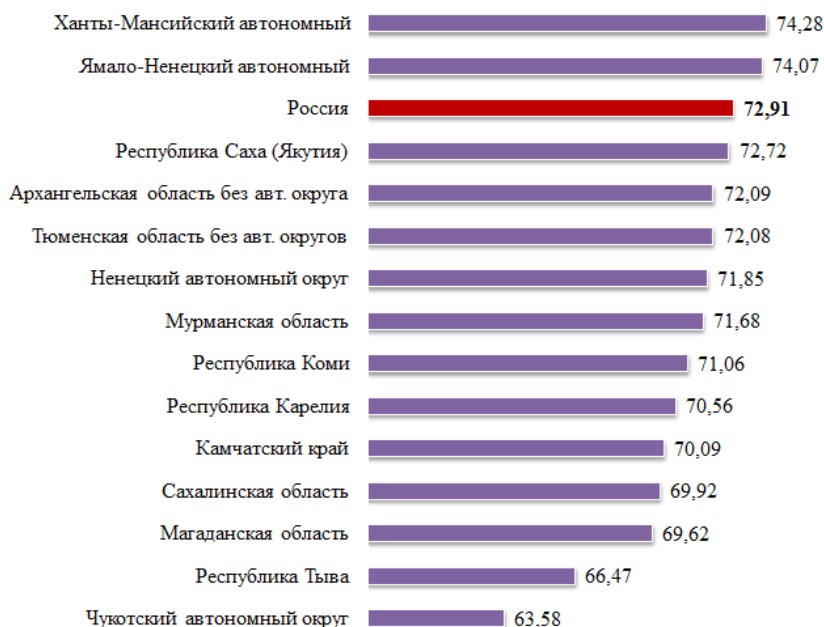


Рис. 10. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в субъектах РФ, полностью расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (лет, 2018 г.) [7]

На Чукотке и в Тыве этот показатель достигает минимальных значений по стране, составляя соответственно 87 и 91% от среднероссийского значения. При вахтовых методах организации труда ситуация, конечно, осложняется, так как приезжие должны адаптироваться к новым условиям среды, но при этом в условиях ограниченных вахтовых поселений проще организовать профилактические и санитарно-гигиенические мероприятия для работающего населения, качественный медицинский и психофизиологический отбор [20].

При оценке возможных путей развития российского Севера обычно практически не принимается во внимание роль коренных народов. А ведь именно они могут проявить активное участие не только в его освоении, но и заселении. Для них не характерно явление «возвратной» миграции, они гораздо лучше адаптированы к суровым условиям ведения северного хозяйства и могли бы быть активно вовлечены в эти процессы. Так, в Канаде деятельно создаются этнические корпорации, например корпорации аборигенов. Они не только генерируют рабочие места для коренного населения и собственные виды производства, но и энергично участвуют в освоении месторождений минеральных ресурсов в северной зоне. Этнические корпорации здесь являются держателями пакетов акций в сфере транспорта, строительства, операций с недвижимостью, туризма, природоохранной деятельности, нефтяной промышленности. В основном именно из числа инуитов в северных районах Канады набирают рейнджеров, призванных вести наблюдение и поисково-спасательные работы в условиях Крайнего Севера [21].

Таким образом, коренные народы российского Севера, проживая в экстремальных условиях, могли бы также обеспечивать суверенитет России в Арктике. Именно они могут стать основой для его обживания и освоения подобно тому, как это делается в Канаде.

В начале XXI в., выбирая стратегию развития северных территорий, нужно помнить и о том, что для их хозяйственного освоения уже не требуется такого количества трудовых ресурсов, как во второй половине XX в. На Север приходят современные высокопроизводительные технологии, малолюдные или безлюдные. По этому пути идут все крупнейшие страны, подобно России сталкивающиеся с проблемой значительной территории и относительно немногочисленным для нее населением – Канада, Австралия, США. Неизбежно в этом направлении будет двигаться и наша страна. Так, при развитии проекта Баимского медного месторождения на Чукотке будут использоваться беспилотные автосамосвалы и автоматизированные фабрики с центром управления в Москве. С использованием малолюдных схем и искусственного интеллекта проектируется перспективное освоение российских месторождений в Арктике, где планируется применять беспилотную технику, единое дистанционное управление, роботизированные комплексы добычи, жилые плавучие модули вахтовиков [22].

В поисках инструментов минимизации «северных» издержек бизнес стремится к созданию в Арктике платформенных решений, делая упор на

предельную локализацию и компактность как технологических, так и бытовых объектов, четко ограничивая пространство освоения. Это позволяет избавиться от социальной нагрузки и делает ведение бизнеса в северных условиях более доходным и конкурентоспособным [23, 24].

Примером подобных решений может служить формирование морского логистического комплекса проектов освоения арктической зоны России. Его элементами являются мобильные (часто плавучие) сооружения, выступающие в роли баз освоения – морские платформы, порты, терминалы, вахтовые поселки, карьеры и буровые, обогатительные фабрики или СПГ-заводы. Как наглядный пример можно привести нефтегазовую платформу Приразломная и морской порт в Варандее (Ненецкий автономный округ), завод по производству и морской терминал по отгрузке сжиженного природного газа в Сабетте (Ямало-Ненецкий автономный округ), чукотское золото-серебряное месторождение Купол и др. [23].

При поиске ответа на вопрос: какой должна быть северная стратегия России? сегодня господствуют две основных точки зрения. Одна из них – экономическая – исходит из тех позиций, которые уже были изложены авторами выше. Нерациональная система расселения населения, создание постоянно действующих поселений на Севере, особенно в арктической зоне, не только удорожают и снижают эффективность хозяйственной деятельности, но и лишают демографической подпитки уже освоенные районы страны. Распыленность населения на Севере создает барьеры для модернизации хозяйства. По мнению одного из ведущих отечественных исследователей в области пространственного развития Н.В. Зубаревич, модернизация хозяйства быстрее происходит в условиях концентрации населения, развитой инфраструктуры и, как следствие, меньших экономических расстояний [25].

Вторая – геополитическая – определяется необходимостью усиления контроля над стратегическими территориями страны и колоссальным демографическим градиентом, который сложился на ее восточных рубежах. Пугающие контрасты заселенности Северо-Восточного Китая и Японии, с одной стороны, и Восточного макрорегиона РФ – с другой, заставляют задуматься о необходимости увеличения численности населения на Востоке и Севере России. Данный подход наиболее затратен и требует поддержки территорий, не обладающих конкурентными преимуществами, что несет риски истощения финансовых возможностей государства. Подобный подход не типичен для региональной политики развитых государств [25].

Однако отстаиваемые авторами положения вписываются и в геополитический подход. Поскольку «северную» миграцию сложно остановить, используя рыночные инструменты, то вполне возможно изменить ее вектор, с европейской части нашей страны на юг Сибири и Дальнего Востока, тем самым как раз укрепив приграничную полосу России с многонаселенными странами Азии.

Заключение. Сегодня способ освоения пространства значительно трансформируется, уже появились и используются цифровые, малолюдные

и безлюдные технологии. Это делает возможным контролировать и вовлекать в хозяйственный оборот значительные малонаселенные пространства без их заселения. В России остро назрела необходимость ухода от затратного «экстенсивного» освоенческого типа. На Севере страны необходимо ориентироваться на точечное развитие отдельных относительно крупных городских поселений, портов, которые смогли бы играть роль «полюсов роста», и инфраструктурных коридоров, позволяющих удерживать эти малозаселенные пространства.

Литература

1. *Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000–2018 годах.* Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_22/Main.htm (дата обращения: 23.08.2020).
2. *Районный коэффициент и правила его применения в регионах России в 2020 году.* ЗАКОН. URL: <https://zakonguru.com/trudovoe/oplata/pensija/rajonnij-koefficient.html> (дата обращения: 23.08.2020).
3. *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир. М. : Новый хронограф, 2009. 372 с.
4. *Киселева А.М., Гокова О.В.* Демографическая безопасность северных регионов: проблемы депопуляции и миграции населения // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2016. № 4. С. 181–190.
5. *Ефремов И.А.* Возрастные особенности миграционных процессов на Крайнем Севере России // Демоскоп Weekly. 2014. № 581–582. С. 54–62. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25736879> (дата обращения: 23.08.2020).
6. *Ефремов И.А.* Современные миграционные процессы на Крайнем Севере России // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2006. № 4. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1489> (дата обращения: 23.08.2020).
7. *Регионы России. Социально-экономические показатели.* 2019 : стат. сб. М. : Росстат, 2019.
8. *Уровень безработицы.* ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43062> (дата обращения: 23.08.2020).
9. *Леонов С.Н.* Освоение арктической зоны Дальнего Востока: состояние и проблемы // Региональная экономика и управление. 2013. № 4. С. 57–70.
10. *Гладкий Ю.Н.* Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. 846 с.
11. *Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И.* Центр и периферия в региональном развитии / отв. ред. Г.А. Приваловская. М. : Наука, 1991. 167 с.
12. *Пивоваров Ю.Л.* Альтернатива макрорегионального развития России: сжатие интенсивно используемого пространства // Географические основы типологии регионов для формирования региональной политики России. М. : ИГРАН, 1995. С. 17–23.
13. *Зворыкина Ю.В., Ганзя С.В., Егоров П.В.* Крайний Север – осваивать или заселять / Институт исследований и экспертизы ВЭБ.РФ. URL: <http://inveb.ru/ru/articles-menu/9-public-2018-02-01> (дата обращения: 23.08.2020).
14. *Глава 50 ТК РФ.* Особенности регулирования труда лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях // Трудовой кодекс РФ 2020. URL: <http://tkodeksrf.ru/ch-4/rzd-12/gl-50> (дата обращения: 23.08.2020).
15. *Закон РФ от 19.02.1993 № 4520-1 (ред. от 07.03.2018) «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях»* // Законы, кодексы, нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-19021993-n-4520-1-o/> (дата обращения: 23.08.2020).

16. Приказ Минтруда РСФСР от 22.11.1990 № 2 (ред. от 11.07.1991, с изм. от 01.12.2015) «Об утверждении Инструкции о порядке предоставления социальных гарантий и компенсаций лицам, работающим в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, в соответствии с действующими нормативными актами» // Законы, кодексы, нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-mintruda-rsfsr-ot-22111990-n-2/> (дата обращения: 23.08.2020).

17. Постановление Правительства РФ от 17 апреля 2006 г. № 216 «О районных коэффициентах, применяемых при установлении страховых пенсий и пенсий по государственному пенсионному обеспечению лицам, проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, а также в районах с тяжелыми климатическими условиями» (с изменениями и дополнениями) // Гарант – информационно-правовое обеспечение. URL: <https://base.garant.ru/189392/> (дата обращения: 23.08.2020).

18. Постановление Правительства РФ от 12.06.2008 № 455 (ред. от 10.07.2020) «О порядке компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно для лиц, работающих в федеральных государственных органах, государственных внебюджетных фондах Российской Федерации, федеральных государственных учреждениях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, и членов их семей» // Законы, кодексы, нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-12062008-n-455/> (дата обращения: 23.08.2020).

19. Хаснулин В.И. Введение в полярную медицину. Новосибирск : СО РАМН, 1998. 337 с.

20. Солонин Ю.Г., Бойко Е.Р. Медико-физиологические аспекты жизнедеятельности в Арктике // Арктика: экология и экономика. 2015. № 1 (17). С. 70–75.

21. Алексеев В.В. Основные направления государственной политики Канады по освоению северных территорий на рубеже XX и XXI веков // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (2). С. 21–32.

22. Жигалов В.И. Платформенные решения для комплексного освоения малонаселенных и труднодоступных территорий (ПР КОТ). Проект освоения месторождения «Павловское». Росатом. ВНИИЭФ. 17–18.10.2019.

23. Пилясов А.Н., Путилова Е.С. Новые проекты освоения российской Арктики: пространство значимо! // Арктика и Север. 2020. Т. 38, № 1. С. 21–43.

24. Национальные проекты в Арктической зоне Российской Федерации: механизмы реализации // Российская Арктика. 2019. URL: <https://russian-arctic.info/info/articles/novosti/natsionalnye-proekty-v-arkticheskoy-zone-rossiyskoy-federatsii-mekhanizmy-realizatsii/> (дата обращения: 23.08.2020).

25. Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. № 11 (2). С. 46–57.

On Russia's "Northern" Strategy: Development or Settlement

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2020. 52. pp. 88–103. DOI: 10.17223/19988648/52/6

Nadezhda V. Goroshko, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State Medical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: goroshko1@mail.ru

Sergey V. Patsala, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: s-pacala@mail.ru

Keywords: Far North, Arctic, spatial development, natural population movement, migration, development of the North, settlement of the North, compression of developed space, problems of development of the North.

The article systematizes the main approaches to the development of the regions of the Far North and equivalent areas, and identifies trends in the demographic development of the Russian

North at the present stage. The necessity of developing this macroregion is substantiated, taking into account the disproportion between the size of the country's space and the size of its population. In Russia, there is an urgent need to move away from the costly "extensive" development type. In the North of the country, it is necessary to focus on the point-by-point development of individual relatively large urban settlements and ports that could play the role of "growth poles" and infrastructure corridors that allow retaining these sparsely populated areas.

References

1. RF Federal State Statistics Service. (2018) *Ekonomicheskie i sotsial'nye pokazateli rayonov Kraynego Severa i priravnennykh k nim mestnostey v 2000–2018 godakh* [Economic and social indicators of the Far North regions and equivalent areas in 2000–2018]. [Online] Available from: https://gks.ru/bgd/regl/b19_22/Main.htm (Accessed: 23.08.2020).
2. ZAKON. (2020) *Rayonnyy koeffitsient i pravila ego primeneniya v regionakh Rossii v 2020 godu* [The regional coefficient and the rules for its application in the regions of Russia in 2020]. [Online] Available from: <https://zakonguru.com/trudovoe/oplata/pensiya/rajonnjy-koefficient.html> (Accessed: 23.08.2020).
3. Treyvish, A.I. (2009) *Gorod, rayon, strana i mir. Razvitiye Rossii glazami stranoveda* [City, Region, Country and the World: Development of Russia Viewed by a Regional Geographer]. Moscow: Novyy khronograf.
4. Kiseleva, A.M. & Gokova, O.V. (2016) Demographic Safety of Northern Regions: Problems of Depopulation and Migration. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika – Herald of Omsk University. Series "Economics"*. 4. pp. 181–190. (In Russian).
5. Efremov, I.A. (2014) Vozrastnye osobennosti migratsionnykh protsessov na Kraynem Severe Rossii [Age features of migration processes in the Far North of Russia]. *Demoskop Weekly – Demoscope Weekly*. 581–582. pp. 54–62. [Online] Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25736879> (Accessed: 23.08.2020).
6. Efremov, I.A. (2006) Sovremennyye migratsionnye protsessy na Kraynem Severe Rossii [Modern migration processes in the Far North of Russia]. *Regionologiya – Regionology*. 4. [Online] Available from: <https://regionsar.ru/ru/node/1489> (Accessed: 23.08.2020).
7. Rosstat. (2019) *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2019: stat. sb.* [Regions of Russia. Socioeconomic Indicators. 2019: Statistics]. Moscow: Rosstat.
8. EMISS. Federal Statistics. (2020) *Uroven' bezработitsy* [The unemployment rate]. [Online] Available from: <https://fedstat.ru/indicator/43062> (Accessed: 23.08.2020).
9. Leonov, S.N. (2013) The Development of the Russian Far East Arctic Zone: State and Challenges. *Regional'naya ekonomika i upravlenie – Regional Economics and Management*. 4. pp. 57–70. (In Russian).
10. Gladkiy, Yu.N. (2006) *Rossiya v labirintakh geograficheskoy sud'by* [Russia in the labyrinths of geographical destiny]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
11. Gritsay, O.V., Ioffe, G.V. & Treyvish, A.I. (1991) *Tsentr i periferiya v regional'nom razviti* [The center and the periphery in regional development]. Moscow: Nauka.
12. Pivovarov, Yu.L. (1995) Al'ternativa makroregional'nogo razvitiya Rossii: szhatie intensivno ispol'zuemogo prostranstva [Alternative macro-regional development of Russia: Compression of the intensively used space]. In: Lipits, Yu.G. (ed.) *Geograficheskie osnovy tipologii regionov dlya formirovaniya regional'noy politiki Rossii* [Geographic bases of the typology of regions for the formation of regional policy in Russia]. Moscow: IG RAS. pp. 17–23.
13. Zvorykina, Yu.V., Ganzya, S.V. & Egorov, P.V. (2018) *Krayniy Sever – osvaivat' ili zaselyat'* [The Far North: To develop or to populate]. Vnesheconombank Institute. [Online] Available from: <http://inveb.ru/ru/articles-menu/9-public-2018-02-01> (Accessed: 23.08.2020).
14. Labor Code of the Russian Federation. (2020) *Glava 50 TK RF. Osobennosti regulirovaniya truda lits, rabotayushchikh v rayonakh Kraynego Severa i priravnennykh k nim mestnostyakh* [Chapter 50 of the Labor Code of the Russian Federation. Features of labor

regulation of persons working in the Far North and equivalent areas]. [Online] Available from: <http://tkodeksrf.ru/ch-4/rzd-12/gl-50> (Accessed: 23.08.2020).

15. Russian Federation. (2018) *Law of the Russian Federation of 19 February 1993 No. 4520-1 (rev. 07 March 2018): On state guarantees and compensations for persons working and living in the Far North and equivalent areas*. [Online] Available from: <https://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-19021993-n-4520-1-o/> (Accessed: 23.08.2020).

16. Russian Federation. (2018) *Order of the Ministry of Labor of the RSFSR of 22 November 1990 No. 2 (as amended on 11 July 1991, as amended on 1 December 2015): On approval of the Instruction on Providing Social Guarantees and Compensation to Persons Working in the Far North and in Areas Equated to the Regions of the Far North, in Accordance with the Current Regulatory Acts*. [Online] Available from: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-mintruda-rsfsr-ot-22111990-n-2/> (Accessed: 23.08.2020). (In Russian).

17. Russian Federation. (2018) *Resolution of the Government of the Russian Federation of 17 April 2006 No. 216: On regional coefficients used in the establishment of insurance pensions and pensions for state pensions for persons living in the Far North and equivalent areas, as well as in areas with severe climatic conditions (with amendments and additions)*. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/189392/> (Accessed: 23.08.2020). (In Russian).

18. Russian Federation. (2018) *Resolution of the Government of the Russian Federation of 12 June 2008 No. 455 (as amended on 10 July 2020): On the procedure for reimbursing the costs of travel and baggage transportation to the place of vacation and back for persons working in federal government bodies, state extra-budgetary foundations of the Russian Federation, federal government institutions located in the Far North and equivalent areas, and for their family members*. [Online] Available from: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-12062008-n-455/> (Accessed: 23.08.2020). (In Russian).

19. Khasnulin, V.I. (1998) *Vvedenie v polyarnuyu meditsinu* [Introduction to polar medicine]. Novosibirsk: SB RAMS.

20. Solonin, Yu.G. & Boyko, E.R. (2015) Medical and Physiological Aspects of Vital Activity in the Arctic. *Arktika: ekologiya i ekonomika – Arctic: Ecology and Economy*. 1 (17). pp. 70–75. (In Russian).

21. Alekseev, V.V. (2014) Osnovnye napravleniya gosudarstvennoy politiki Kanady po osvoeniyu severnykh territoriy na rubezhe XX i XXI vekov [The main directions of the state policy of Canada for the development of northern territories at the turn of the 21st century]. *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki*. 1(2). pp. 21–32.

22. Zhigalov, V.I. (2019) *Platformennye resheniya dlya kompleksnogo osvoeniya malonaselennykh i trudnodostupnykh territoriy (PR KOT). Proekt osvoeniya mestorozhdeniya "Pavlovskoe"* [Platform solutions for the integrated development of sparsely populated and hard-to-reach areas (PR KOT). Project for the development of the Pavlovskoe deposit]. Rosatom. All-Russian Scientific Research Institute of Experimental Physics. 17–18 October 2019. [Online] Available from: http://www.sozvezdye-forum.ru/assets/files/Presentation_2019/closed_session/5%20%D0%96%D0%B8%D0%B3%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B2%20%D0%92.%D0%98.%20%D0%A0%D0%A4%D0%AF%D0%A6.pdf.

23. Pilyasov, A.N. & Putilova, E.S. (2020) New Projects for the Development of Russian Arctic: Space Matters! *Arktika i Sever – Arctic and North*. 38 (1). pp. 21–43. (In Russian). DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.21

24. Russian Arctic. (2019) *Natsional'nye proekty v Arkticheskoy zone Rossiyskoy Federatsii: mekhanizmy realizatsii* [National projects in the Arctic zone of the Russian Federation: Implementation mechanisms]. [Online] Available from: <https://russian-arctic.info/info/articles/novosti/natsionalnye-proekty-v-arkticheskoy-zone-rossiyskoy-federatsii-mekhanizmy-realizatsii/> (Accessed: 23.08.2020).

25. Zubarevich, N.V. (2017) Development of the Russian Space: Barriers and Opportunities for Regional Policy. *Mir novoy ekonomiki – The World of New Economy*. 2. pp. 46–57. (In Russian).